

Весна-страшна

Коммерсантъ 2. - 2006. - 20 мая - с. 8

Теодор Курентзис продирижировал музыкой «Дягилевских сезонов»

В Большом зале консерватории дирижер Теодор Курентзис продолжил цикл «Русские сезоны» Национального филармонического оркестра России, посвященный Сергею Дягилеву. Репертуарные редкости слушала ВАРЯ ТУРОВА.

Сергей Дягилев дружил со столькими великими, что удивляться количеству шедевров, которые эти великие написали по заказу друга, не приходится. Удивляет другое — как ему удавалось общаться одновременно со всеми ранимыми гениями, учитывая их непростые характеры. Подумать только, заказанный им балет «Парад» объединил Жана Кокто, Эрика Сати, Пабло Пикассо и Леонида Мясина, при этом на премьере в зале были Клод Дебюсси, Жорж Орик, да и вообще все, кто хоть как-то был связан с искусством, хотя кажется, что во времена Дягилева в Париже к искусству имели отношение абсолютно все.

Балет был поставлен в апреле 1917 года, в разгар войны. Первый и, хвала истории, не последний сценографический опыт Пикассо в сочетании с эпатажирующей примитивной музыкой Сати, произвел на театральную публику неизгладимое впечатление. Присутствовавший на премьере Франсис Пуленк вспоминал: «В „Параде“ все было новым — сюжет, музыка, постановка. Зрители, оцепенев, смотрели, как подымается занавес Пикассо, совершенно для них необычный, открывая кубистские декорации. На этот раз все искусства брыкались в своих оглоблях».

Некоторым спектакль показался вызовом здравому смыслу. Музыка Сати, такая простая, наивно-искусная, вызвала скандал своей обыденностью. В «Параде» танцевали мюзик-холльный уан-степ. В этот момент зал разразился свистом и аплодисментами. Весь Монпарнас ревел с галерки: «Да здравствует Пикассо!» Орик и другие музыканты орало: «Да здравствует Сати!» Реакцию зала можно понять — по тем временам пьеса казалась революционной. Шутка ли, в партитуре использованы звуки сирены, стук печатной машинки и, страшно вообразить, выстрелы пистолета! Со времени премьеры прошел почти век, и теперь потрясший публику эпатаж выглядит милой изобретательностью. Вряд ли стоит рассматривать «Па-

Выразительная пластика дирижера Курентзиса достойна исполняемых им дягилевских балетов ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

рад» как отдельный музыкальный шедевр, скорее пьеса заняла свое место в истории в качестве манифеста желания Дягилева и его друзей усть консерваторов.

Совсем другая история связана с балетом «Лани», написанным, в свою очередь, Франсисом Пуленком. Скандала, криков и драк не было, но не было и шумного успеха, что сочтем случайным промахом истории. Подвел, скорее всего, сюжет. Вернее, сюжета как такового в спектакле не было — сцена представляла собой нечто подозрительно напоминающее публичный дом — подобие либретто крылось в том, что к трем юношам всячески пристают 16 фривольных барышень, впрочем, все про-

исходящее, по свидетельствам очевидцев, носило недостаточный для скандала — или успеха — масштаб разврата. Все это тем обиднее, что музыка балета полна обаяния, изящества и юмора. Партитура испещрена намеками, цитатами, полемикой с современниками и гениями прошлого, но в то же время на редкость целостна, органична и проста.

Так или иначе, «Парад» и «Лани» на концерте все равно воспринимались лишь прологом к «Весне священной», написанной, к слову, раньше обеих пьес, в 1913 году. Не будет сильным преувеличением сказать, что «Весна» — главное сочинение первой половины XX века. Предвосхитившее, если не породившее, массу музыкальных течений и блестяще отразившее интонацию, атмосферу и ощущение времени вообще. «Картины языческой Руси», поставленные в соавторстве с Николаем Рерихом и Вацлавом Нижинским, вызвали грандиозный скандал на премьере.

Музыка Стравинского и правда нелегка для восприятия. Больше того, она по-настоящему страшная, особенно если представлять себе ее так, как это делает Теодор Курентзис. Музыканты точно отвечали дирижеру, являя при этом высокий класс игры. Особенно это касалось группы ударных, партия которых в «Весне» ключевая. Ударники показали и блистательный профессионализм, и точное попадание в стиль, время и эмоцию. Но с дирижером можно спорить.

Все быстрые части в его варианте не просто быстрые — они ошеломляют скоростью и напором. Медленные звучат тревожно и трудно. Все и без того величественно земные, коренные, настоящие эмоции, нет, скорее, инстинкты, заложенные автором в эту музыку, господин Курентзис преувеличивает в разы, из-за чего они, словно отражаясь в кривом зеркале, порой приобретают почти уродливые формы. Итог не эпатажировал, скорее наоборот — современная публика, кажется, готова на все ради любого дирижера, способного заставить оркестр громыхать с дикой скоростью. Истерически восторженная реакция этой публики была так же предсказуема, как и шок, случившийся у слушателей на премьере почти сто лет назад.